

КРАСИВЫЙ МАЛЬЧИК

ПЕРЕВОД
ЛЮДМИЛЫ
ГОЛОВИНОЙ

18+

ДЭВИД ШЕФФ

МИО

МИФ Культура

Дэвид Шефф

Красивый мальчик

«Манн, Иванов и Фербер»

2018

УДК 351.761
ББК 60.524.258.3

Шефф Д.

Красивый мальчик / Д. Шефф — «Манн, Иванов и Фербер»,
2018 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00195-894-9

Что случилось с моим прекрасным мальчиком? С нашей семьей? Что я сделал не так? Это вопросы, которые преследовали Дэвида Шеффа каждый миг на его пути в борьбе с пристрастием сына к наркотикам. Ник был очаровательным молодым человеком, веселым, спортсменом из университетской команды, отличником, которого обожали его младшие братья и сестры. А затем превратился в дрожащего призрака, который лгал, воровал и жил на улице. С обезоруживающей откровенностью Дэвид Шефф прослеживает первые предупреждающие знаки: отрицание, телефонные звонки в три часа ночи («Это ты, сын? в полиции? в больнице?»), попытки реабилитации. Помощь Дэвида сыну превратилась в зависимость. Навязчивое беспокойство и стресс чуть его не сломали. Он исследовал все способы лечения, которые могли бы спасти сына, и не собирался отказываться от Ника. Эта история о зависимости подростка от родителя и родителя от ребенка. Хроника падения и возвращения надежды. По книге снят фильм с Тимоти Шаламе и Стивом Карреллом в главных ролях, он был номинирован на премии ВАФТА и «Золотой глобус». От автора Я лежал, вглядываясь в темноту, и моя тревога росла. Печально, но это состояние стало привычным. Вот так я ждал Ника годами. Вечерами, когда он не возвращался к оговоренному часу, я ждал, когда раздастся скрежет машины, выруливающей на подъездную дорожку. Потом наступала тишина. Ну наконец. Хлопала дверца машины, слышались шаги, щелчок открываемой входной двери. Несмотря на попытки Ника пробраться незаметно, шоколадный лабрадор Брут обычно встречал его тихим тьяканьем. Или же я ждал, когда зазвонит телефон, но никогда не был уверен, что это Ник («Привет, па, как дела?»), а не полиция («Мистер Шефф, ваш сын у нас»). Всякий раз, когда он задерживался или не звонил, мне казалось, что произошла трагедия. Он мертв. Всегда – мертв. Но потом Ник появлялся,

крадучись поднимался по лестнице на второй этаж, скользя рукой по перилам. Или раздавался звонок. «Прости, пап, я у Ричарда. Я заснул. Думаю, лучше здесь остаться, не хочется ехать домой в такую поздноту. Увидимся утром. Люблю тебя». Я чувствовал и ярость, и облегчение, потому что мысленно успевал похоронить его.

УДК 351.761
ББК 60.524.258.3

ISBN 978-5-00195-894-9

© Шефф Д., 2018
© Манн, Иванов и Фербер, 2018

Содержание

Вступление	7
Часть I. Ночные бдения	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дэвид Шефф

КРАСИВЫЙ МАЛЬЧИК

Издано с разрешения David Sheff, ICM Partners acting in association with Curtis Brown Group Limited

Рекомендовано к изданию Еленой Рубиновой

Текст печатается по изданию: Шефф Д. Красивый мальчик. Правдивая история отца, который боролся за сына. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2008 by David Sheff

© 2018 Amazon Content Services LLC

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Эта книга посвящается всем, кто отдает свою жизнь борьбе с зависимостями в реабилитационных центрах, больницах, исследовательских центрах, учреждениях социальной адаптации и общежитиях для бывших наркоманов, в организациях, занимающихся просвещением по вопросам наркозависимостей, и т. п. Она посвящается также мужественным и упорным людям, продолжающим посещать собрания бесчисленных групп в рамках программы «12 шагов», которые ежедневно проводятся во всех крупных и маленьких городах Соединенных Штатов и за их пределами. Эта книга – для них и их семей: для тех, кому близка история моей семьи, потому что они сами пережили или переживают нечто подобное, для родных и близких наркозависимых – детей, братьев, сестер, друзей, партнеров, мужей и жен, родителей вроде меня. «Беда в том, что ты просто не можешь помочь им, и это удручает», – писал Фрэнсис Скотт Фицджеральд. Но на самом деле вы можете помочь им и друг другу. Так, вы помогли мне. И конечно, эта книга посвящается моей жене Карен Барбур и моим детям Нику, Джасперу и Дэйзи Шефф.

Вступление

Так больно, что я не могу спасти его, защитить, не дать свернуть на плохую дорожку, уберечь от боли. Зачем тогда нужны отцы, если не для этого?

Томас Линч. Мы такие, какие есть

«Привет, па! Господи, как я скучаю по вам. Жду не дожусь, когда вас увижу. Остался всего один день!!! Ура!»

Это электронное письмо от Ника я получил вечером, накануне его возвращения домой из колледжа на летние каникулы. Восемилетний Джаспер и пятилетняя Дэйзи уже сидели за кухонным столом и вырезали, клеили и раскрашивали приветственные плакаты в честь его приезда. Целых шесть месяцев дети не виделись со старшим братом.

Утром я вышел во двор, чтобы поторопить их – пора было собираться в аэропорт. Дэйзи, мокрая и грязная, сидела высоко на ветке клена. Джаспер стоял внизу. «Отдай обратно, или будет плохо!» – грозил он ей.

«Нет, – ответила она. – Это мое». В ее глазах светилась отвага и упрямство, но когда Джаспер начал карабкаться на дерево, она бросила вниз фигурку Гэндальфа, за которой он охотился.

«Пора ехать за Ником», – сказал я, и они понеслись мимо меня в дом, скандируя: «Ни-ки, Ни-ки, Ни-ки!»

Дорога до аэропорта заняла полтора часа. Когда мы добрались до терминала, Джаспер закричал: «Вон он, Ник! – и показал рукой: – Там!»

Ник с перекинутой через плечо спортивной сумкой цвета хаки стоял, прислонившись к знаку «Парковка запрещена», на бордюре недалеко от зоны выдачи багажа компании United Airlines. Тощий, в выгоревшей красной футболке и кардигане своей подружки, мешковатые джинсы болтаются на костлявых бедрах, на ногах красные кеды-конверсы. Заметив нас, он расплылся в улыбке и помахал нам рукой. Дети хотели сидеть рядом с ним, поэтому, забросив сумки в багажник, он перелез через Джаспера и втиснулся между ними. По очереди расцеловывал их в щеки. «Здорово снова быть вместе, – сказал он. – Я так соскучился по вам, маленькие разбойники. Просто ужас». И, обращаясь к нам, добавил: «И по вам тоже, пап, мам».

Пока я выруливал с территории аэропорта, Ник рассказывал, как прошел полет. «Хуже не бывает. Я оказался рядом с теткой, которая болтала без умолку. У нее были платиновые волосы с вихрами, как на лимонном пироге с меренгами. Прямо Круэлла Девиль – очки в роговой оправе, губы сливового цвета и толстый слой розовой пудры». – «Круэлла Девиль?» – переспросил Джаспер, вытаращив глаза.

Ник кивнул. «Точно как она. Ресницы у нее были длинные, фиолетовые и явно ненастоящие, от нее несло парфюмом “вонючка”». Он зажал нос: «Жуть!» Дети пришли в полный восторг.

Мы ехали по мосту Золотые Ворота. Река густого тумана текла под нами, огибая полуостров Марин-Хедлендс. Джаспер спросил: «Ник, ты придешь на наш выпускной?» Джаспер в этом году перешел из второго класса в третий, а Дэйзи – из детского сада в первый класс.

– Не пропущу ни за что на свете, – ответил Ник.

Дэйзи спросила:

– Ник, помнишь ту девочку, Даниэлу? Она упала со шведской стенки и сломала палец на ноге.

– Да ты что!

– У нее теперь гипс, – добавил Джаспер.

– Гипс на пальце? – спросил Ник. – Должно быть, он совсем малюсенький. Джаспер сообщил серьезным тоном: «Его разрежут ножовкой».

– Палец?

Все трое захихикали.

Через некоторое время Ник произнес:

– У меня для вас есть кое-что. В сумке.

– Подарки!

– Получите дома.

В ответ на все мольбы рассказать, что там такое, он только качал головой.

– И не проси, Джас. Это сюрприз.

Я видел всю троицу в зеркале заднего вида. У Джаспера и Дэйзи кожа ровного оливкового тона. У Ника она когда-то была такой же, но теперь его лицо кажется изможденным и напоминает по цвету рисовую бумагу. Глаза у детей карие, ясные, у него – как темные стеклянные шарики. Волосы малышей темно-каштановые, у Ника в детстве были светлые, длинные, а сейчас выгоревшие, как поле в конце лета, с охряными и желтыми прядями – последствия неудачной попытки мелирования при помощи хозяйственного отбеливателя.

– Ник, расскажешь нам историю о Пи Джи? – попросил Джаспер. Вот уже несколько лет Ник развлекал детей приключениями Пи Джи Фамблбамбла, английского детектива, которого сам же и выдумал.

– Чуть позже, мистер, обещаю.

По автостраде мы проехали на север, затем свернули с нее на запад, минуя маленькие городки, лесистый национальный парк, холмистые пастбища. Остановились в городке Пойнт-Рейес-Стейшн, чтобы забрать почту. Невозможно, будучи в городе, не пересечься с десятком знакомых. Все они радовались Нику и набрасывались на него с вопросами об учебе и планах на лето. Наконец мы покинули город и по дороге, выходящей вдоль речки Лагунитас-Крик (раньше Пейпермил-Крик), добрались до поворота налево, поднялись на холм и вырулили на подъездную аллею к дому.

– Мы тоже приготовили для тебя сюрприз, Ники, – сказала Дэйзи.

Джаспер бросил на нее строгий взгляд:

– Не вздумай ему рассказывать!

– Это плакаты. Мы сами их сделали.

– Ну Дэ-эй-зи-и...

Подхватив свои сумки, Ник пошел за детьми в дом. Собаки радостно атаковали его с лаем и поскуливанием. На верхней площадке лестницы Ника приветствовали детские баннеры и рисунки, в том числе нарисованный Джаспером ежик с надписью: «Я скучаю по Нику, хнык-хнык». Ник похвалил детские художества и поплелся в свою комнату, чтобы распаковать вещи. С тех пор как он уехал в колледж, его комната в дальнем конце дома, выкрашенная в ярко-красный цвет, служила еще одной игровой, в которой были выставлены творения Джаспера из конструктора «Лего», в том числе дворец махараджи и робот-дроид R2-D2. Готовясь к приезду Ника, Карен убрала «зверинец» Дэйзи – коллекцию мягких игрушек, застелила кровать теплым стеганым одеялом и положила новые подушки.

Ник вышел из комнаты, нагруженный подарками. Для Дэйзи – Жозефина и Кирстен, коллекционные куколки American Dolls от девушки Ника. Одна была наряжена в вышитую крестьянскую блузу и сарапе, другая – в зеленый бархатный джемпер. Джаспер получил пару здоровенных водяных пистолетов.

– После ужина, – предупредил Джаспера Ник, – ты так вымокнешь, что тебе придется возвращаться в дом вплавь.

– А ты так вымокнешь, что тебе понадобится лодка.

– А ты будешь мокрее самой размокшей лапши.

– А ты вымокнешь так, что сможешь обходиться без душа целый год.

Ник рассмеялся.

– Меня это устраивает, – сказал он. – Это экономит кучу времени.

Мы поужинали, после чего мальчишки зарядили водяные пистолеты, поспешили во двор, в сумерки ветреного вечера, и разбежались в разные стороны. Мы с Карен наблюдали за ними из гостиной. Выслеживая друг друга, Ник и Джаспер прятались среди итальянских кипарисов и дубов, подныривали под садовую мебель и ползали под прикрытием живой изгороди. Когда удавалось сделать точный выстрел, они поливали друг друга тонкими струйками воды. Дэйзи следила за ними, укрывшись за гортензиями в горшках, расставленных у дома. Когда ребята пробежали мимо, она одной рукой открыла водопроводный кран, а другой направила на них садовый шланг и окатила их водой.

Я остановил мальчишек в тот момент, когда они собирались схватить ее. «Ты, конечно, не заслуживаешь спасения, – сказал я ей, – но уже пора идти спать».

Джаспер и Дэйзи приняли ванну, надели пижамы и попросили Ника почитать им. Тот сел на маленький диванчик между их кроватями, вытянув длинные ноги, и стал читать книгу «Ведьмы» Роальда Даля. Из соседней комнаты мы слышали его голос, точнее голоса: голос мальчика-рассказчика, удивленный и серьезный; недовольный и скрипучий голос Бабушки и неприятный визгливый голос Величайшей Самой Главной Ведьмы.

«Дети гадкие и испорченные!.. Дети грязные и вонючие!.. От них несет собачьими какашками!.. Они хуже, чем собачьи какашки! По сравнению с детьми собачьи какашки пахнут фиалками и примулами!»

От представлений, которые разыгрывал Ник, всегда невозможно было оторваться, и дети слушали его как зачарованные.

В полночь наконец разразилась давно собиравшаяся гроза. Лил сильный дождь, и град пулеметными очередями молотил по медной черепице крыши. У нас редко случаются грозы с молниями, но в эту ночь небо как будто озарилось фотовспышками.

Между раскатами грома было слышно, как поскрипывают ветви деревьев. Еще я слышал шаги Ника в коридоре, слышал, как он готовит себе чай в кухне, тихо пощипывает струны гитары, наигрывая что-то из репертуара Бьорк, из болливудских фильмов и из песен Тома Уэйтса с его весьма разумным советом: «Если ты умер, не садись за руль». Меня беспокоила бессонница Ника, но я гнал прочь подозрения, напоминая себе, какой большой путь он проделал по сравнению с прошлым учебным годом, когда его отчислили из Беркли. На этот раз он уехал в колледж на востоке страны и все-таки окончил первый курс. Учitando то, что нам пришлось пережить, это просто какое-то чудо. По моим подсчетам, пошел уже 150-й день, как он держится без метамfetамина.

Утром гроза стихла, солнце засверкало на мокрых листьях клена. Я оделся и присоединился к Карен и малышам, которые завтракали на кухне. Шаркая ногами, вошел Ник, в фланелевых пижамных штанах, потрепанном шерстяном свитере и в очках-рентгенах. Он подошел к кухонной стойке и стал возиться с кофеваркой – налил воду, насыпал кофе, поставил на огонь, а затем уселся за стол рядом с Джаспером и Дэйзи и принялся за свои хлопья.

– Дэйзи, – сказал он. – Атака со шлангом – блестящая идея, но я собираюсь отплатить тебе за это. Не забывай оглядываться.

Она вывернула шею, пытаясь заглянуть за спину.

– Я ничего не вижу.

– Люблю тебя, чудачка.

Вскоре после того, как Дэйзи и Джаспер отправились в школу, к нам пришли несколько женщин, чтобы помочь Карен с подготовкой прощального подарка для одной всеми любимой учительницы. Они стали украшать массивную купальню для птиц ракушками, отполиро-

ванными камешками и керамическими плитками, сделанными вручну самими учениками. За работой они болтали и пили чай.

Я укрылся в кабинете.

Позже женщины устроили перерыв на ланч на открытой кухне. Одна из них принесла китайский салат с курицей. Ник, который после завтрака ушел досыпать, появился из своей комнаты, стряхивая остатки сна, и поздоровался со всеми. Он вежливо ответил на вопросы – снова про колледж и планы на лето, – а затем извинился и сказал, что должен ехать на собеседование.

Я слышал, как после ухода Ника матери обсуждали его.

«Какой милый мальчик».

«Замечательный».

Одна из них отметила его хорошие манеры. «Вам очень повезло, – сказала она Карен. – Наш сын-подросток только и знает, что бухтеть и огрызаться. По-другому он с нами не общается».

Часа через два Ник вернулся – в доме уже было тихо: мамы, закончив свою мозаику, разошлись по домам. Он получил работу официанта в итальянском ресторане. Завтра пойдет на инструктаж. Правда, Ник был в ужасе от требования носить униформу – тесные черные ботинки и бордовый жилет, но ему сказали, что зато он сможет заработать кучу денег в виде чаевых.

На следующий день после стажировки Ник практиковался на нас, изображая официанта – персонажа одного из его любимых мультфильмов, «Леди и бродяга». Когда мы сели ужинать, он вошел в комнату, держа над головой воображаемый поднос и напевая с мелодичным итальянским акцентом: «О, эта ночь, прекрасная ночь, эту ночь мы называем *bella notte*».

После ужина Ник попросил одолжить ему машину, чтобы поехать на собрание анонимных алкоголиков. Поскольку он неоднократно попадал в неприятные переделки – включая инцидент, когда он разбил обе наши машины за один раз (управляя одной, врезался в другую), его лишили привилегии сидеть за рулем. Но сейчас его просьба звучала вполне разумно. Посещение собраний анонимных алкоголиков входило в обязательную часть курса реабилитации, и мы согласились. Он взял наш универсал, на котором все еще виднелись следы прошлых аварий. После собрания он дисциплинированно вернулся домой и рассказал, что попросил кое-кого стать его наставником на время пребывания в городе.

Назавтра он снова попросил машину. На этот раз – чтобы съездить пообедать с этим наставником. Конечно, я разрешил. На меня произвело впечатление то, с каким старанием он соблюдал установленные нами правила. Он рассказывал нам, куда идет и когда будет дома, и всегда возвращался вовремя. Вот и в этот раз приехал домой спустя каких-то пару часов.

На следующий день ближе к вечеру мы сидели в гостиной у горящего камина. Карен, Ник и я читали, устроившись на диванах, а Джаспер и Дэйзи играли с человечками из конструктора «Лего» на выцветшем ковре. Оторвав взгляд от своего персонажа, Дэйзи рассказала Нику о «противном тупом» мальчишке, который толкнул ее подружку Алану. Ник пообещал прийти в школу и размазать по стенке этого «подлого придурка».

Чуть позже я с удивлением услышал, как Ник тихо похрапывает. Но без четверти семь он проснулся, словно от толчка. Взглянув на часы, он вскочил со словами: «Чуть не пропустил собрание!» – и снова попросил одолжить ему машину.

Меня радовало, что, несмотря на усталость и на то, что он с удовольствием проспал бы до утра, Ник ответственно относился к реабилитации: он нашел в себе силы встать, ополоснул лицо водой, откинул руками волосы, падающие на глаза, натянул свежую футболку и выбежал из дома, боясь опоздать.

Когда пробило одиннадцать, Ника все еще не было. Я очень устал за день, но лежал в постели без сна, и мое беспокойство росло. Мне приходил на ум миллион совершенно без-

обидных объяснений. Часто после собрания люди идут куда-нибудь выпить кофе. А может быть, он болтает со своим новым наставником. В голове у меня спорили два голоса: один убеждал меня, что я дурак и параноик, другой был уверен, что случилось нечто ужасное. По опыту я знал, что беспокоиться нет смысла, но тревога вспыхивала помимо моей воли и не отпускала. Мне не хотелось предполагать худшее, но в прошлом, когда Ник нарушал «комендантский час», это часто предвещало беду.

Я лежал, вглядываясь в темноту, и моя тревога росла. Печально, но это состояние стало привычным. Вот так я ждал Ника годами. Вечерами, когда он не возвращался к оговоренному часу, я ждал, когда раздастся скрежет машины, вырulingающей на подъездную дорожку. Потом наступала тишина. Ну наконец. Хлопала дверца машины, слышались шаги, щелчок открываемой входной двери. Несмотря на попытки Ника пробраться незаметно, шоколадный лабрадор Брут обычно встречал его тихим тьяканьем. Или же я ждал, когда зазвонит телефон, но никогда не был уверен, что это Ник («Привет, па, как дела?»), а не полиция («Мистер Шефф, ваш сын у нас»). Всякий раз, когда он задерживался или не звонил, мне казалось, что произошла трагедия. Он мертв. Всегда – мертв.

Но потом Ник появлялся, крадучись поднимался по лестнице на второй этаж, скользя рукой по перилам. Или раздавался звонок. «Прости, пап, я у Ричарда. Я заснул. Думаю, лучше здесь остаться, не хочется ехать домой в такую поздноту. Увидимся утром. Люблю тебя». Я чувствовал и ярость, и облегчение, потому что мысленно успевал похоронить его.

В этот раз я задремал, так и не дождавшись Ника. Где-то в час ночи меня разбудила Карен. Она услышала, как он прокрадывается в дом. На заднем дворе вспыхнул садовый светильник с детектором движения. Прямо в пижаме я влез в ботинки и вышел через заднюю дверь, чтобы встретить сына.

На улице было свежо. В кустах затрещали ветки. Я завернул за угол и нос к носу столкнулся с огромным испуганным оленем, который тут же умчался прочь, легко перемахнув через изгородь.

Я вернулся в постель, и мы с Карен снова стали маяться, не в силах заснуть.

Полвторого ночи. Два. Я опять проверил его комнату.

Полтретьего.

Наконец мы услышали шум машины.

Я встретил Ника на кухне, он бормотал какие-то извинения. Я сказал, что больше не дам ему машину.

– Ну и ладно.

– Ты под кайфом? Скажи честно.

– Господи! Нет.

– Ник, у нас был уговор. Где ты был?

– Какого черта? – произнес он, глядя в пол. – После собрания мы зашли к одной девчонке, трепались, смотрели видео.

– А телефона там не было?

– Да понятно, понятно, – сказал он, начиная злиться. – Я же извинился.

Он скрылся в своей комнате, хлопнув дверью и заперев ее изнутри, а я бросил ему вслед: «Поговорим утром».

За завтраком я пристально наблюдал за Ником. Его тело, вибрирующее, как машина на холостом ходу, выдавало его с головой. Челюсть ходила ходуном, замутненный взгляд метался из стороны в сторону. Ник обсуждал с Джаспером и Дэйзи, чем заняться после школы, нежно обнимал их, но в голосе его слышались нотки раздражения.

Когда Карен с детьми уехали, я начал:

– Ник, нам надо поговорить.

Он бросил на меня настороженный взгляд:

- О чем?
- Я знаю, что ты снова подсел на наркоту. Это видно.
- Он раздраженно посмотрел на меня:
- О чем ты говоришь? Ничего подобного.
- И опустил глаза.
- Тогда ты не будешь против теста на наркотики?
- Да пожалуйста. Мне пофиг.
- Отлично. Я хочу, чтобы ты сделал это прямо сейчас.
- Ладно!
- Одевайся.
- Я понимаю, что нужно было позвонить. Не употребляю я!
- Он почти сорвался на крик.
- Пошли.

Он поспешно ушел в свою комнату. Закрыл дверь. Появился, одетый в футболку с надписью Sonic Youth и черные джинсы: одна рука в кармане, голова опущена, на плече болтается рюкзак. Другой рукой он держал за гриф свою электрогитару. «Ты прав, – сказал он, протискиваясь мимо меня. – Я употребляю все время, как приехал домой. И наркоманил весь семестр». Он ушел из дома, хлопнув дверью.

Я выбежал из дома, крича его имя, но он уже скрылся из виду. После минутного замешательства я вернулся в дом, вошел в его комнату и опустился на неубранную постель. Поднял валяющийся под столом скомканный листок бумаги. На нем Ник написал:

*Я доходяга, и я это знаю.
Мне помогла бы дорожка-другая.*

Днем вернулись из школы Джаспер и Дэйзи. Они ворвались в дом, начали носиться из комнаты в комнату и наконец устали на меня снизу вверх: «А где Ник?»

Я перепробовал все что можно, чтобы не дать сыну впасть в метамфетаминную зависимость. Вряд ли мне было бы легче, если бы он подсел на героин или кокаин, но каждый родитель метамфетаминного наркомана вскоре узнаёт, что этот наркотик обладает особенно чудовищными свойствами. Стефан Дженкинс, певец из группы Third Eye Blind, признался в одном интервью, что метамфетамин дает ощущение «яркости и блеска». Наряду с этим он делает человека опасным, деструктивным параноиком, лишает всех иллюзий и ведет к саморазрушению. Потом ты начинаешь совершать какие-то немислимые поступки, чтобы снова почувствовать себя яркой и блестящей личностью. Ник всегда был чутким, тонким, пронизательным, невероятно сообразительным и жизнерадостным ребенком, но метамфетамин изменил его до неузнаваемости.

В своих увлечениях Ник всегда был на острие популярных трендов: в разное время это были «Заботливые мишки», «Щенки из приюта», «Мой маленький пони», «Микромашинки», «Трансформеры», «Хи-Мен и принцесса Ши-Ра», «Черепашки-ниндзя», «Звездные войны», «Нинтендо», группа Guns N'Roses, стиль гранж, Бек и многое другое. С метамфетамином он тоже оказался в первых рядах. Его зависимость развилась за несколько лет до того, как политики объявили этот наркотик худшим злом, которое только могло обрушиться на нацию. В Соединенных Штатах метамфетамин пробовали не менее двенадцати миллионов граждан и, по некоторым оценкам, более полутора миллионов являются метамфетаминными наркоманами. В мире насчитывается более тридцати пяти миллионов человек, прочно сидящих на этом наркотики. Считается, что он вызывает более сильную зависимость, чем героин и кокаин вме-

сте взятые. Ник утверждал, что искал мет всю свою жизнь. «Когда я попробовал его в первый раз, – говорил он, – сразу понял: это то, что надо».

История нашей семьи одновременно уникальна и универсальна – в том смысле, что все истории о наркозависимости перекликаются друг с другом. Я понял, насколько мы все похожи, когда впервые попал на собрание группы анонимных алкоголиков. Долгое время я отказывался идти туда, но, несмотря на то, что, слушая истории людей, я часто не мог удержаться от слез, эти встречи укрепили мой дух и смягчили чувство изолированности. Ситуация стала казаться мне не такой отчаянной. Кроме того, истории, рассказанные другими членами группы, подготовили меня к испытаниям, которые иначе застали бы меня врасплох. Эти собрания не стали панацеей, тем не менее я был благодарен за то, что почувствовал себя немного лучше и получил какие-никакие практические советы.

Я изо всех сил старался помочь Нику, спасти его, удержать от падения в пропасть. Это стремление, вместе с чувством вины и тревогой, полностью поглотило меня. Поскольку я писатель, ничего удивительного, что я стал писать, пытаюсь разобраться в том, что с нами происходит, и найти решение проблемы, некое средство исцеления, которое я упустил. Я как одержимый с головой ушел в поиски информации об этом наркотики, зависимости и методах лечения. Я не первый писатель, для которого творчество стало своего рода дубиной, помогающей сражаться со страшным врагом, и вместе с тем попыткой ухватиться за что-нибудь (что угодно) понятное в этой катастрофической ситуации, мучительным процессом осмысления переживаний и эмоций, переполнявших мой мозг. В конечном счете все мои усилия не смогли спасти Ника. Да и меня мои писания тоже не исцелили, хотя и были полезны.

Труды других авторов в чем-то помогли. Всякий раз, когда я доставал с полки книгу Томаса Линча «Тела в движении и в покое: Метафора и смерть» (*Bodies in Motion and at Rest: On Metaphor and Mortality*), она сама собой открывалась на странице 95, на эссе «Мы такие, какие есть». Я прочел его десятки раз, и каждый раз не мог сдержать слез. Когда его ребенок лежал без сознания, после всех арестов, ночей, проведенных в вытрезвителе, и госпитализаций, Линч, гробовщик, поэт и эссеист, смотрел на своего любимого сына-наркомана с печалью и покорностью судьбе. Позже он написал: «Я хочу запомнить его таким, каким он был: умным и улыбчивым мальчиком с голубыми глазами и веснушками, как на фотографиях, где он держит судака, стоя на причале вместе с дедом, или где он одет в свой первый костюм перед школьным выпускным своей сестры, или где, посасывая большой палец, рисует, сидя за кухонным столом, или играет на своей первой гитаре, или позирует вместе с соседскими ребятами в день, когда пошел в первый класс».

Почему так помогает чтение чужих историй? Дело не в том, что несчастье любит компанию. По собственному опыту я понял, что несчастные люди слишком погружены в свои страдания, чтобы нуждаться в обществе посторонних. Опыт и переживания других людей помогли мне справиться с эмоциональным хаосом: читая их истории, я уже не чувствовал себя полным психом. И, как и в случае с откровениями, которые я слышал на собраниях анонимных алкоголиков, эти исповеди послужили своего рода компасом в неизведанных водах. Томас Линч показал мне, что можно любить ребенка, которого ты потерял, может быть, навсегда.

Мои попытки осмыслить происходящее вылились в написание статьи о том, что пережила наша семья, для *New York Times Magazine*. Мне было страшно, что о наших кошмарных буднях узнают чужие люди, но я был просто обязан это сделать. Мне казалось, что если я обнародую нашу историю, то таким образом мне удастся хоть кому-нибудь помочь, как мне помогли Линч и другие авторы. Я обсудил это с Ником и другими членами семьи. Несмотря на их поддержку и одобрение, я чувствовал себя неуютно, выставляя нашу жизнь на суд широкой публики. Однако реакция читателей на статью ободрила и воодушевила меня, а Нику, по его словам, придала смелости. С ним связался редактор издательства и поинтересовался, не хочет ли он написать воспоминания о своем опыте, которые помогли бы вселить надежду в молодых людей,

пытающихся побороть наркозависимость. Ник с энтузиазмом отнесся к этому предложению. На собрании анонимных алкоголиков, которые он в то время посещал, его друзья и даже незнакомые люди, узнав, что он и есть герой статьи, обнимали его и говорили, как сильно им гордятся. Он сказал, что это было яркое выражение признания и одобрения той тяжелой работы, которую он проделал.

Я также получил много отзывов от самих наркозависимых и их родных – братьев и сестер, детей и других родственников, прежде всего родителей. Они приходили сотнями. Кое-кто был настроен критически. Один корреспондент обвинил меня в эксплуатации Ника в собственных целях. Другой, возмущенный коротким эпизодом из нашей жизни, заявил: «Вы позволяли ему надевать одежду задом наперед? Неудивительно, что он стал наркоманом». Однако большинство писем содержало слова сочувствия, утешения, понимания, и в основном их авторы делились своим горем. Многим казалось, что наконец-то нашелся кто-то, кто понимает, что им приходится переживать. Оказалось, несчастье все-таки любит компанию: людям становится легче, когда они понимают, что не одиноки в своих страданиях, что все мы оказались ввергнуты в пучину настоящего социального бедствия – эпидемии, охватившей детей и затронувшей целые семьи. По какой-то причине история незнакомого человека как бы давала им разрешение рассказать и собственную историю. Им казалось, что я должен понять их, и я действительно их понимал.

«Я сижу и плачу, мои руки дрожат, – написал один из корреспондентов. – Вашу статью мне передали вчера на еженедельной встрече отцов, потерявших своих детей. У человека, передавшего мне статью, три года назад от наркотиков умер шестнадцатилетний сын».

«Ваша история – это и наша история, – написал другой отец. – Разные наркотики, разные города, разные реабилитационные центры, но история одна и та же.

И еще письмо: «Поначалу я испугался, что кто-то, не спросив разрешения, описал историю моего ребенка. Однако, прочитав до середины текст с очень эмоциональным описанием событий и их неизбежных последствий, я понял, что даты не совпадают, и, таким образом, должен был признать, что и другие родители переживают такие же уму непостижимые трагедии и потери, как и я... Личный опыт, приобретенный за четверть века, заставляет меня изменить последний абзац в вашей статье: “Сбежав из последнего реабилитационного центра, мой сын чуть не умер от передоза. Его отправили в другой город на лечение по специальной программе, и он не притрагивался к наркотикам почти два года. Затем снова начал исчезать из дома, отсутствуя иногда по несколько месяцев, иногда по несколько лет. Несмотря на то что он был одним из лучших учеников школы с самым высоким рейтингом в стране, ему понадобилось двадцать лет, чтобы закончить весьма средний колледж. И столько же времени понадобилось мне, чтобы отказаться от несбыточных надежд и признать, что мой сын не может или не хочет завязать с наркотиками. Сейчас ему сорок, он сидит на пособии и живет в общежитии для взрослых наркоманов”».

Было много и других писем с невыразимо трагическими финалами. «У нашей истории другой конец. Мой сын скончался от передозировки в прошлом году. Ему было семнадцать». Другое письмо: «Моей красавицы-дочки больше нет. Ей было пятнадцать, когда она умерла от передозировки». И еще: «Моя дочь умерла», «Мой сын умер». Письма и электронные сообщения всё еще приходят, врываясь в повседневную рутину жизни как напоминание о бесконечной череде жертв наркозависимости. И с каждым из них мое сердце вновь обливается слезами.

Я продолжал писать, и в результате этого мучительного процесса в моем восприятии нашего опыта забрезжил какой-то смысл, насколько вообще можно говорить о смысле применительно к наркозависимости. Это привело к созданию книги, которую вы держите в руках. Складывая отдельные случайные слова в предложения, предложения в абзацы, а абзацы

в главы, я видел, как вместо хаоса и безумия появляется какая-то видимость порядка и здравого смысла. Как и в случае со статьей в *New York Times Magazine*, мне страшно публиковать нашу историю. Но при неустанной поддержке со стороны моих издателей я продолжаю двигаться дальше.

У нас сейчас нет недостатка в захватывающих воспоминаниях людей, страдающих зависимостью, и лучшие из них станут откровением для тех, кто переживает за своих любимых. Надеюсь, что книга Ника войдет в их число. Однако же, за редким исключением вроде эссе Линча, у нас нет книг, рассказывающих о судьбах родных и близких наркоманов. Любой, кто прошел или проходит этот путь, знает, что забота о наркозависимом – процесс не менее сложный, напряженный и изнуряющий, чем сама зависимость. В худшие моменты я даже негодовал и обижался на Ника, потому что наркоман, приняв дозу, испытывает хотя бы кратковременную передышку от своих страданий. Но родителям, или детям, или мужьям, или женам, или другим близким людям недоступно даже это.

Ник периодически то бросал, то вновь подсаживался на наркотики на протяжении десяти лет, и в то время мне казалось, что я перечувствовал, передумал и перепробовал практически все, что только может перечувствовать, передумать и предпринять родитель наркомана. Но даже сейчас я понимаю, что для членов семей наркозависимых не существует единого верного решения, нет даже четкой и понятной дорожной карты. Однако я надеюсь, что в нашей истории вы найдете некоторое утешение, какие-то полезные рекомендации или, в крайнем случае, хотя бы почувствуете себя в компании товарищей по несчастью. Я также надеюсь, что читатели смогут заметить какие-то странности, тревожные признаки, сигнализирующие о первых стадиях зависимости у близкого человека. Часто цитируют высказывание Ницше «Все, что нас не убивает, делает нас сильнее». Это абсолютно справедливо по отношению к родным наркозависимого. Вот я, например, не только выстоял, но теперь знаю и понимаю больше, чем когда-то мне казалось возможным.

Рассказывая нашу историю, я не поддался искушению давать прогнозы, поскольку было бы нечестно внушать кому-либо мысль, что можно заранее определить, как будут развиваться события (тем самым я оказал бы читателям медвежью услугу). Я, например, никогда не знал, что принесет завтрашний день.

Я добросовестно старался включить в книгу все самые важные события, которые сформировали Ника и нашу семью: и хорошие, и неприглядные. О многом невозможно вспоминать без содрогания. Меня одинаково приводит в ужас и многое из того, что я делал, и то, чего я не сделал. Вопреки экспертам, которые сочувственно утешают родителей наркоманов словами: «Это не ваша вина», – я не мог отпустить себя, снять с себя ответственность. Часто мне казалось, что я упустил своего сына. Делая это признание, я не ищу сочувствия или отпущения грехов, а просто констатирую факт, с которым согласится большинство родителей, прошедших через подобные испытания.

Кто-то, узнав мою историю, с недоумением заметит: «Но ваша семья не производит впечатления неблагополучной». Мы неблагополучны – как и все знакомые мне семьи. В чем-то больше, в чем-то меньше. Не уверен, что знаю какую-нибудь «благополучную» семью, если таковой считать семью, которая никогда не переживала трудные времена, а ее членам не приходилось справляться с целым ворохом проблем.

Как и сами наркозависимые, их семьи могут быть какими угодно: и такими, которые соответствуют вашим представлениям, и такими, о которых ничего плохого и не подумаешь. Наркоманы могут появиться как в распавшейся, так и в полной семье. Они могут быть и хроническими неудачниками, и в высшей степени успешными людьми. На лекциях или собраниях групп Ал-Анон¹ или анонимных алкоголиков мы часто узнаем об интеллигентных, образован-

¹ Семейные группы Ал-Анон – содружество родственников и друзей алкоголиков, которые делятся друг с другом своим

ных и обаятельных мужчинах и женщинах, которые совершенно неожиданно для окружающих заканчивают свои дни в нищете. «Вы слишком хороши, чтобы сотворить с собой такое», – говорит врач алкоголику в одном из рассказов Фицджеральда. Многие из тех, кто хорошо знал Ника, высказывались в том же духе. Один из них сказал: «Меньше всего можно было ожидать, что это случится именно с ним. Только не с Ником. Он слишком уверен в себе и слишком умен».

Я также знаю, что у родителей избирательная память, которая блокирует все, что идет вразрез с нашими тщательно отредактированными приятными воспоминаниями. Вполне понятная попытка заглушить вину. Дети же, наоборот, часто заикливаются на мучительных неизгладимых воспоминаниях. Надеюсь, что я не впадаю в родительский ревизионизм, заявляя, что, несмотря на развод с матерью Ника, несмотря на драконовские условия опеки на расстоянии и несмотря на все мои недостатки и ошибки, детство Ника было чудесным. И Ник подтверждает это, хотя, быть может, он просто старается быть добрым к нам.

Это перекраивание прошлого в попытках найти хоть какой-нибудь смысл в том, что лишено смысла, – типичное занятие для семей наркоманов, но мы делаем не только это. Мы отрицаем серьезность проблемы, с которой столкнулся близкий человек, и не потому, что мы так наивны, а потому, что у нас не хватает знаний. Даже те, кто, в отличие от меня, никогда не употреблял наркотики, должны осознать тот неоспоримый факт, что многие дети – точнее, более половины из них – рано или поздно обязательно их попробуют. (Ежедневно шесть тысяч детей в Соединенных Штатах делают это в первый раз.) В некоторых случаях наркотики не оказывают серьезного негативного влияния на их жизнь. Для других же последствия будут катастрофическими. У нас, родителей, плавятся мозги от попыток найти выход, мы делаем все, что в наших силах, консультируемся со всевозможными специалистами, но иногда этого все равно недостаточно. Только после свершившегося факта мы понимаем, что сделали не все, что могли, или сделали, но не то. Наркозависимые – и вместе с ними их близкие – не желают признавать очевидное, поскольку часто правда оказывается слишком невероятной, слишком мучительной и страшной. Однако такое отрицание, будучи весьма типичным, несет в себе опасность. Как бы мне хотелось, чтобы в свое время меня кто-то как следует встряхнул и сказал: «Вмешайся, пока еще не поздно». Возможно, это ничего бы не исправило, но кто знает? Ведь никто не встряхнул меня и не сказал эти слова. И даже если бы кто-то это сделал, то, вполне возможно, я бы просто его не услышал. Может быть, мне было уготовано судьбой учиться на собственном горьком опыте.

Подобно многим из тех, кто оказался в аналогичном положении, у меня развилась зависимость от зависимости моего ребенка. Я полностью погрузился в проблемы Ника и считал свое поведение совершенно оправданным, хотя это шло во вред моим обязательствам перед женой и другими детьми. Разве может родитель остаться в стороне, когда его ребенок ведет борьбу не на жизнь, а на смерть? Но постепенно я понял, что мое чрезмерное участие и беспокойство никак не помогали и даже, может быть, вредили ему. Или ему это просто было безразлично. Как бы то ни было, это наверняка навредило всей семье – да и мне самому. Наряду с этим открытием я получил и еще один, неожиданный и поразительный урок: наши дети будут жить и умирать – хоть с нами, хоть без нас. Что бы мы ни делали, какие бы отчаянные усилия ни предпринимали, мы не можем решать за наших детей – жить им или умереть. Осознание этой истины шокирует, опустошает, но и приносит освобождение. В конце концов я принял решение, как жить дальше. Я выбрал рискованный, но единственно верный путь, который позволил мне принять тот факт, что Ник сам будет решать, как распорядиться своей жизнью – или смертью.

Как я уже говорил, я «отпустил» себя, но до сих пор мучительно пытаюсь решить, в какой степени я могу «отпустить» Ника. Когда он не употребляет, это умнейший, замечательный, харизматичный, любящий парень, но, как и все наркоманы, насколько мне известно, он превращается в совершенного незнакомца, когда вновь подсаживается на наркотики, – отчужденного, вздорного, глупого, склонного к саморазрушению, сломленного духом и опасного. Я изо всех сил старался примирить эти два образа. Какой бы ни была причина: генетическая предрасположенность, моя неспособность защитить его, моя снисходительность или жесткость, моя незрелость или все это вместе, – зависимость Ника, казалось, жила своей жизнью. В этой книге я попытался показать, как коварно, исподволь зависимость проникает в семью, постепенно завладевает ею и начинает править бал. Сколько раз в последние десять лет я совершал ошибки по незнанию, из-за пустых надежд или страха. Я постарался припомнить все эти случаи в надежде на то, что читатели смогут распознать неверный путь, прежде чем ступят на него. А если нет, я все же надеюсь, что они не станут себя винить за свой выбор.

Когда мой сын появился на свет, невозможно было даже представить, что ему придется перенести столько страданий, сколько выпало на долю Ника. Родители всегда желают только лучшего для своих детей. Я был самым обычным родителем, которому казалось, что с нами такого просто не может случиться, только не с моим сыном. Но Ник, несмотря на свою уникальность, такой же ребенок, как и любой другой. Он мог бы быть и вашим сыном.

И наконец, должен предупредить, что я изменил кое-какие имена и детали, чтобы не разглашать личности некоторых упомянутых здесь людей. Я начну с того дня, как Ник родился. Рождение ребенка для многих (если не для всех) семей – переломный момент в жизни, полный радости и оптимизма. Таким этот день был и для нас.

Часть I. Ночные бдения

У меня есть дочь, которая слишком напоминает мне меня самого, каким я когда-то был: она полна любви и радости, готова целовать каждого человека, которого встречает, только потому что он хороший и не причинит ей зла. И это пугает меня до глубины души, так что я едва могу жить и дышать.

Курт Кобейн. Из предсмертной записки

1

Мы с Вики, моей женой, жили в Беркли, в обшитом вагонкой и побеленном бунгало, построенном в 1920-х годах. От улицы наше жилище укрывала стена черного бамбука. Стоял 1982 год, лето, наполненное ожиданием. Все остальное: работа, социальные обязательства – было отложено на потом. Наш малыш должен был родиться в июле.

Ультразвук показал, что это мальчик. Мы старательно готовились к его появлению на свет. Красили и украшали детскую, поставили белую кровать, светло-голубой комод, книжные полки, на которых теснились книги Мориса Сендака и Доктора Сьюза. По обеим сторонам двери, как двое часовых, заняли свое место две огромные плюшевые панды – первые подарки малышу от одного из друзей. Другой приятель одолжил нам семейную реликвию – светло-желтую колыбель в форме полумесяца. Она висела на цепях в гостиной, будто паря над Сан-Франциско, мерцающим огнями вдалеке.

Схватки у Вики начались после полуночи, 20 июля. Следуя инструкциям, полученным на занятиях по подготовке к родам, мы засекали интервалы между схватками. Пора. Мы поехали в больницу.

Ник родился на рассвете – наш прекрасный, милый мальчик.

Мы были очарованы нашим малышом. И с готовностью отказались от сна. Мы успокаивали его, когда он плакал. Мы пели ему колыбельные. Мы впали в расслабленное измененное состояние мечтательной удовлетворенности, которое шокировало бы нас, если бы нечто подобное приключилось с кем-либо из наших друзей. (По правде говоря, многие из наших друзей действительно пребывали в шоке.) Жизнь наша шла под аккомпанемент мелодий Пита Сигера, группы *Limelighters* и Раффи – мы слушали их в таком количестве, которого хватило бы, чтобы выбить признания из закоренелого преступника. Порой мы просто стояли, не отводя глаз от крохотных цепких ручек малыша и сияющих, полных жизни глаз.

Мы принадлежали к первому поколению осознанных родителей. До нас люди попросту заводили и растили детей. Мы же «родительствовали»: выполняли свои обязанности гиперответственно, окружая ребенка бесконечным вниманием и заботой. Мы выискивали для него все лучшее: лучшую прогулочную коляску и лучшее автомобильное кресло, рекомендованные журналом *Consumer Reports*, – и мучились каждый раз, когда нужно было выбрать игрушки, подгузники, одежду, еду, лекарства, кольца для режущихся зубов, прививки, да и вообще всегда, когда требовалось принять какое-то решение, касающееся ребенка.

Довольно скоро детская кровать уступила место односпальной кровати с полосатым постельным бельем. Мы отправлялись гулять, устроив малыша в прогулочной коляске или в рюкзаке-кенгуру, играли в парках Беркли или ходили в детские спортивные залы и посещали зоопарк Сан-Франциско. Библиотека малыша не помещалась на полках: «Спокойной ночи, Луна», «Погладь кролика Банни», «Где живут дикие звери?», «Яма – чтобы копать». Я читал их так часто, что выучил наизусть.

«Молочко, молочко для утреннего пирога».

«Отсюда дотуда и оттуда досюда, забавные вещи случаются всюду».

«Собаки для того, чтобы целовать людей. Снег, чтобы в нем валяться. Пуговицы для того, чтобы было тепло».

В три года Ник начал ходить в детский сад. Здание в пастельных тонах располагалось совсем рядом с нашим домом. Мы отводили туда малыша несколько раз в неделю и оставляли на все утро. Пребывание в детском саду включало занятия по системе «круг», игры вроде «утка, утка, гусь», рисование, лепку и разучивание песенок. «Копаем землю, сажаем цветы, – напевал Ник. – Внутри нас кости и мечты». Расписание предусматривало и занятия на свежем воздухе: на улице были качели, горка, шведская стенка. Ник освоил «свидания в песочнице», которые в нашем детстве назывались «пойти в гости к приятелю». Иногда мы встречались с другими семьями в парке, где на склоне холма под раскидистыми дубами была устроена бетонная горка. Ник катался на карусели.

Ник оказался прирожденным архитектором и строителем, его увлекало сооружение разных конструкций из кубиков, из деталек детского конструктора «Дупло», он любил играть с мини-фигурками из «Лего». Он обожал Тедди Ракспина, «Щенков из приюта» и панд-близнецов. Он рассекал по дому на трехколесном велосипеде с большими колесами, а по патио, выложенному красным кирпичом, – в пластмассовом ярко-синем кабриолете, подаренном моими родителями, который он приводил в движение как машину Флинстоунов – ногами, обутыми в высокие кроссовки.

Мы бывали в «Железнодорожном городке» в соседней Сономе, где Ник водил паровой поезд, бегавший по рельсам мимо миниатюрных амбаров и ветряных мельниц.

Мы совершали путешествия в Йосемитский национальный парк: весной, когда кругом все цветет, ходили пешком к водопадам; зимой играли в снегу в долине под присмотром скалы Хаф-Доум; посещали океанариум в Монтерей-Бей, где Ник заворуженно наблюдал за фосфоресцирующими медузами и описывающими круги акулами.

Мы устраивали кукольные представления, играли в настольные игры и пели под грохот тамбурина. Облачившись в кимоно и фланелевые пижамные штаны, под аккомпанемент пластиковой гитары Ник пел во всю силу легких:

Тингалайо, беги, мой ослик, беги!

Тингалайо, беги, мой ослик, беги!

Мой ослик гуляет, мой ослик болтает,

Мой ослик ест с ножом и вилкой,

Мой ослик гуляет, мой ослик болтает,

Мой ослик ест с ножом и вилкой.

Затем он срывал кимоно, под которым оказывалась клоунская пижамная майка в зеленый, синий и красный горох. На ногах красовались сверкающие резиновые сапоги с голубыми, зелеными и розовыми разводами.

Вот мы идем по тротуару, он шаркает ногами в слишком больших сапогах, я держу его маленькую руку в своей, пластиковая гитара болтается на плече. Он не пропускает ни одной лужи.

Его глаза смотрят задумчиво, их бронзовый оттенок временами отливают зеленью, они переменчивые и живые, как море.

Он исполняет на ходу какой-то забавный танец, держа над головой зонтик.

«Кажется, дождь собирается».

Эта обманчивая идиллия отвлекала нас от надвигающейся катастрофы. Мы с Вики провели первые три года жизни Ника, пребывая в благословенном полусне новых родительских

забот, а затем пробудились от безжалостного света и гнетущего холода с осознанием того, что наш брак трещит по швам. По зрелом размышлении я объяснил наши размолвки тем, что влюбился в женщину, близкую нашей семье. Ник и ее сын часто играли вместе.

Мы с Вики любили Ника, но я был не готов к тому, чтобы распутывать растущий клубок проблем. Во время посещения семейного психолога я заявил, что уже слишком поздно что-либо предпринимать. Моему браку пришел конец. Мои слова застали Вики врасплох. Я не в первый раз рвал близкие отношения, но теперь все стало сложнее, потому что у нас был ребенок.

Ник.

Дома, когда мы с его матерью ссорились, Ник находил убежище в объятиях своих панд.

Ни одному ребенку не пожелаешь пережить такой развод, как у нас, полный горечи и злости. Это как взрыв грязной бомбы, когда совокупный ущерб носит массовый и длительный характер. Нику был нанесен жестокий удар.

Мы делили посуду, предметы искусства и нашего маленького сына. Казалось очевидным, что наилучшее решение – совместная опека. Мы с Вики оба хотели, чтобы сын жил с нами, и, разумеется, разделяли общепринятое мнение о том, что для ребенка лучше, если его воспитывают оба родителя. Вскоре Ник начал жить на два дома. В те дни, когда я приводил его к матери, мы обнимались, я прощался с ним у белых ворот из штакетника и смотрел, как он входит в дом.

Вики уехала в Лос-Анджелес и снова вышла замуж. Тем не менее мы все равно хотели, чтобы Ник жил с нами обоими, но теперь между нами пролегло расстояние в пятьсот миль, и уже невозможно было соблюдать неформальное соглашение о совместной опеке, когда ребенок постоянно курсировал между родителями. Каждый из нас искренне и с долей мстительности полагал, что Нику лучше быть с ним, а не с другим родителем, поэтому мы наняли адвокатов по делам о разводе.

В некоторых случаях юристы успешно приводят пары к заключению соглашения, но многие баталии по поводу опеки заканчиваются только в суде. Обычно это болезненный и затратный процесс. Наши адвокаты брали более двухсот долларов в час и требовали гонорар в размере от пяти до десяти тысяч долларов. Когда мы узнали, что судьи часто поддерживают соглашение, которое рекомендует назначенный судом детский психолог после тщательного обследования, наш здравый смысл и опустошенный банковский счет перевесили. Ник начал посещать психолога вскоре после того, как мы стали жить отдельно, и мы обратились к этой женщине, чтобы она провела экспертизу для суда. Мы договорились, что подчинимся ее решению.

Психолог начала обследование, которое длилось три месяца и больше напоминало следствие. Она опрашивала нас, наших друзей и наших родственников, наносила визиты в наши дома соответственно в Сан-Франциско и Лос-Анджелесе и проводила долгие терапевтические сеансы в своем кабинете: играла с Ником в шахматы, в карты и в кубики. Он называл ее своим тревожным доктором. Однажды во время игры с кукольным домиком в ее кабинете он показал ей мамину комнату в одном конце дома и папину комнату в другом конце. Когда она спросила о комнате для маленького мальчика, он ответил: «Он не знает, где будет спать».

Мы встретились в ее кабинете среди игрушек и современной мебели, где на стенах висели картины Готлиба и Ротко, и она вынесла свой вердикт. Мы с Вики сидели в кожаных креслах напротив этой импозантной женщины в цветастом платье, с черными локонами и пронизательными глазами за толстыми стеклами очков. Она сложила руки на коленях и начала говорить.

«Вы оба любящие родители, которые хотят лучшего для своего сына. В процессе изучения вашей ситуации я кое-что узнала о Нике. Мне не нужно рассказывать вам, что он исключительный ребенок. Он одаренный, чуткий, эмоциональный и обладает высоким интеллектом. Думаю, вы также знаете, что он переживает по поводу вашего развода и страдает от неуверен-

ности в своем будущем. Прежде чем принять очень трудное для меня решение, я старалась взвесить все факторы и разработать план, который стал бы оптимальным для Ника – точнее, оптимальным в данной ситуации, где идеального решения просто не существует. Наша цель – минимизировать стресс в жизни Ника и сохранить стабильность и последовательность в ваших отношениях с ним, насколько это возможно».

Она пристально посмотрела на нас по очереди и перелистала документы. Тяжело вздохнула и сказала, что Нику предстоит проводить учебный год со мной в Сан-Франциско, а праздники и летние каникулы с Вики в Южной Калифорнии.

Я попытался вникнуть в то, что она сказала. Я победил. Нет, я проиграл. И Вики тоже. Он будет рядом со мной весь учебный год, но что это будет за Рождество без него? А День благодарения? А лето? Доктор вручила нам копии документа, в котором было изложено ее решение. Мы подписали его у нее на столе. Уму непостижимо, как в одно мгновение, царапая ручкой по грубой бумаге, я отказался от прав на половину детства собственного сына.

Как бы все это ни было плохо для нас с Вики, для Ника все обстояло гораздо хуже. Готовясь к переезду, он сложил свои игрушки и одежду в чемодан Hello Kitty с длинной ручкой, с игрушечным замочком и ключом. Я повез его в аэропорт. Он сказал, что у него сосет под ложечкой, не потому что он не хочет увидеться с мамой и отчимом – наоборот, он хочет, – а потому, что ему не хочется уезжать.

Поначалу один из нас обязательно его сопровождал, но когда ему исполнилось пять лет, он начал путешествовать самостоятельно. От маленького чемоданчика он дорос до холщового рюкзака, набитого постоянно возобновляемым арсеналом всяких необходимых вещей (книги и журналы, «Звездный путь», «Микромашинки», пластмассовые зубы вампира, плеер с наушниками и компакт-диски, плюшевый краб). Бортпроводник отводил его на посадку. Мы говорили друг другу «всё». Это был наш способ сказать «я люблю тебя, я буду очень скучать, мне жаль», передать всю мешанину чувств и эмоций, которая захлестывала нас, когда он приезжал и уезжал.

Перелеты между Сан-Франциско и Лос-Анджелесом были единственным временем, когда никто из родителей его не контролировал, поэтому он заказывал кока-колу, на которую дома наложен запрет. Бортпроводникам плевать, если у вас появятся дупла в зубах. Однако эти плюсы меркли в сравнении с его страхом перед возможным крушением самолета.

В пять лет Ник начал посещать нулевой класс при прогрессивной школе в Сан-Франциско. Школа располагалась в столетнем здании с деревянной кровлей. Родители могли свободно зайти сюда во время перерыва и пожарить, например, с детьми кесадила. В школу вела каменная лестница, а старые двери, похожие на амбарные, выходили на игровую площадку с упругим резиновым покрытием. В распоряжении детей были тегбол, конструкция для лазанья и баскетбольная площадка. Штат школы был укомплектован учителями – преданными сторонниками концепции целостного развития ребенка, поэтому базовую тройку учебных предметов дополняла впечатляющая программа музыкального образования, постановка спектаклей, которые сочиняли сами дети (во время первого для него представления Ник в роли комара заснул прямо на сцене); занятия по изобразительному искусству, несоревновательные виды спорта вроде салочек и хоккея с метлами; изобретательное письмо (спеллинг) и празднование светских и религиозных праздников, включая Рождество, Хануку, китайский Новый год и Кванзу. Эта школа казалась идеальным вариантом для Ника, который в нулевом классе проявлял свои креативные способности в лепке, рисовании пальцами и в неподражаемом подборе гардероба. Вот его типичный наряд: огромная бесформенная ковбойская шляпа, натянутая так низко, что из-под нее видны только его совиные глаза, футболка от Кита Харинга под кожаным жилетом с бахромой, голубые колготки под трусами и кроссовки на липучках в форме

слоновых ушей. Когда другие дети его дразнили: «Колготки носят только девчонки», – Ник отвечал: «Вот и нет! Супермен тоже в колготках».

Я гордился его уверенностью в себе и ярко выраженной индивидуальностью.

Ник обзавелся разношерстной компанией друзей. В парке «Золотые ворота» он регулярно играл с мальчиком, который мечтал стать секретным агентом. Они с Ником бесшумно ползали на животе, подкрадываясь к ничего не подозревающим родителям, которые сплетничали, сидя на скамейках. Они играли в салочки в лабиринте – конструкции из ряда связанных друг с другом проходов внутри геодезических куполов. С еще одним другом, мальчиком с копной темных волос и пронизательными изумрудными глазами, Ник строил города из «Лего» и дороги из деревянных блоков, на которых они устраивали гонки игрушечных машинок Hot Wheels.

Ник любил смотреть кино. Моего приятеля, издававшего местный журнал, настолько впечатлили и позабавили пристрастия Ника в этой области, что он попросил его написать статью под названием «Ник выбирает кино». Ник надиктовал свои комментарии. Начал он так: «Понимаете, иногда детям приходится выбирать видео, и они никак не могут решить, что лучше, но думать надо быстро, потому что взрослые, например, должны через десять минут идти в парикмахерскую». Он оставил краткий отзыв о фильмах «Леди и бродяга» и «Винни-Пух». «“Дамбо” – это круто, – заявил он. – Отличные песни. Отличные вороны». О «Бесконечной истории» он сказал: «На самом деле история имеет конец».

Когда мне исполнилось шесть лет, моя мама испекла торт в виде жирафа с кокосовой стружкой и белой глазурью, и мы с друзьями играли в «пришей хвост ослу». Ника приглашали на дни рождения друзей, которые отмечали в манеже, в парке развлечений Great America, аквапарке Raging Waters и Эксплораториуме, интерактивном научном музее. Им подавали сэндвичи к чаю или суши, нефильТРованный яблочный сок и маленькие кексы без пшеничной муки.

Однажды Ник объявил, что хочет сделать пожертвование для школьной рождественской программы «Игрушки для малышей». Он провел ревизию в своей комнате, отобрал большую часть мягких игрушек, игры – «Страна конфет», «Спуски и лестницы», троллей и старые фигурки героев мультиков и комиксов. С книжных полок были сметены многие из книжек с картинками, освобождая место для серий книг «Хроники Нарнии» и «Красная стена» и произведений Э.-Б. Уайта. Ник изо всех сил старался поскорее вырасти, хотя и делал это весьма избирательно. Он оставил себе своих панд и Себастьяна, плюшевого краба из мультфильма «Русалочка».

Ник как будто обладал встроенной антенной, которая раньше, чем у других детей, улавливала грядущие тенденции в поп-культуре – от «Моего маленького пони» до «Властелинов Вселенной». Место диснеевской продукции – «101 далматинец» и «Мэри Поппинс» – заняли «Звездные войны». Ник с друзьями открыли для себя «Нинтендо» и начали говорить на непонятном (для взрослых) языке о мини-боссах, варп-зонах, секретных уровнях и бонусных тыхвах. Как-то на Хеллоуин Ник примерил на себя роль одного из персонажей мультика о черепашках-ниндзя (он был Микеланджело, а его друг – Донателло). В другой раз он нарядился Индианой Джонсом.

Время от времени Ник попадал в небольшие передрыги. Когда он остался на ночь у одного из друзей, их поймали на том, что они занимаются розыгрышами по телефону, о которых узнали из мультика «Симпсоны». Сначала они обзвонили бары, указанные в «Желтых страницах».

– Здравствуй, могу я поговорить с мистером Коголиком по имени Ал?

– Конечно, малыш, – отвечал бармен и кричал, обращаясь к посетителям: – Есть здесь некий Ал Коголик?

Они хохотали и бросали трубку.

Потом они просто набирали случайные номера из телефонной книги.

Однако в основном Ник вел себя как воспитанный мальчик. Однажды в разделе примечаний его табеля успеваемости учительница написала, что иногда Ник выглядит несколько подавленным (о чем я сразу рассказал его новому психологу). «Но, – продолжала учительница, – ему удается выйти из этого состояния, и тогда он энергичен, активен, увлечен, позитивен – настоящий лидер в классе». Другие учителя наперебой превозносили его креативность, чувство юмора, отзывчивость, активное участие в совместной работе класса и блестящие успехи в учебе.

У меня есть коробка, в которой я храню его поделки и сочинения, в том числе то, которое он написал, получив задание ответить на вопрос: «Всегда ли ты стараешься выложиться по максимуму?». «Я не думаю, что нужно всегда выкладываться по полной, – написал он, – потому что, скажем, когда наркоман просит тебя достать наркотик, ты не должен стараться изо всех сил, чтобы найти для него немного наркоты».

Еще одно задание, которое тоже храню в коробке, – адресованное мне убедительное письмо. Он написал его, когда их попросили найти аргументы за или против по любой теме на выбор. Письмо заканчивалось словами: «Таким образом, я думаю, что мне должны разрешить есть больше снеков».

Время от времени у Ника случались ночные кошмары. В одном из них он приходит в школу, где учеников должны проверить на принадлежность к вампирам. Это похоже на периодический осмотр на предмет педикулеза во время его вспышек – когда учителя надевают хирургические перчатки и пальцами перебирают волосы каждого ребенка, рассматривая каждый волос, подобно тому, как мамы-обезьяны ищут блох у детенышей. При обнаружении одной-единственной гниды зараженного ребенка отправляют домой, и там ему проводят курс избавления от вшей с помощью средства Kwell и тщательного вычесывания частой гребенкой. Эта болезненная процедура сопровождается воплями, которые могут заставить сочувствующих соседей вызвать сотрудников агентства по защите прав детей.

В кошмарном сне Ника он и его товарищи выстраиваются в ряд для вампирской проверки. Учителя в перчатках приподнимают уголки их губ и смотрят, не выросли ли у них клыки. Детей, которые оказываются вампирами, немедленно убивают, всаживая кол в сердце. Как-то утром, сидя в машине, Ник пересказал мне этот сон и добавил, что это несправедливо по отношению к вампирам, потому что они ничего не могут с собой поделать.

Не знаю, было ли дело в нашей постоянной настороженности, или в лицах пропавших детей, напечатанных на молочных пакетах, или в подслушанных где-то страшных историях, но создавалось впечатление, что Ник и его друзья испытывают какой-то чрезмерный страх. За нашим домом был небольшой двор, но они боялись там играть, если только я не шел вместе с ними. Многих родителей беспокоило, что их дети боятся темноты, плачут по ночам, не хотят спать одни или боятся оставаться с ночевкой в доме друзей. После чтения Нику на ночь приходилось заглядывать к нему в комнату каждые пятнадцать минут, пока он не заснет.

Я пел ему что-то вроде колыбельной:

*Закрой глазки,
Ничего не бойся,
Чудовища больше нет.
Оно убежало, и твой папа рядом.*

Проснись! Проснись! Проснись!

Вставай! Вставай! Вставай!

Это мистер сеньор Лав Дэдди.

Ваш голос вне конкуренции. Единственный в мире, кто говорит с вами в течение двенадцати часов.

Здесь, на радио WeLove в диапазоне 108 FM. На последней частоте вашего приемника, но на первом месте в ваших сердцах. И это правда, детка».

Свежее осеннее утро начинается с декламации Ником вступительного монолога из фильма «Делай как надо», одного из его любимых. Мы одеваемся и идем гулять в парк «Золотые ворота». «Посмотри на эти апельсины, – говорит Ник, когда мы проходим мимо цветочной оранжереи. – Смотри: есть и зеленые, и красные, и золотые! Как будто ночью какие-то великаны раскрасили мир своими огромными пальцами».

Когда мы возвращаемся домой, Ник помогает мне готовить тесто для блинов. Он делает все, что нужно, только не разбивает яйца: не хочет пачкать руки липкой жижой. Он говорит, что блины должны быть такого размера, как у дядюшки Бака. Этот персонаж из одноименного фильма орудует лопатой для уборки снега вместо кухонной лопаточки – такие огромные у него блины.

Наш дом – в безраздельном владении ребенка, как бы я ни старался ограничить творимый Ником хаос его комнатой. Только накануне я навел порядок, а сейчас снова везде раскидана детская одежда. Посреди гостиной – настольные игры (вчера вечером он обставил меня в «Стратего»), видеоигры (мы дошли до предпоследнего уровня в The Legend of Zelda) и разноцветное море деталей из конструктора «Лего». Собственно говоря, где их только нет: на них можно наткнуться и в ящике со столовыми приборами, и под диванными подушками, и в цветочных горшках. Однажды у меня перестал работать принтер. Я вызвал мастера, и тот определил, что все дело было в детальке «Лего», застрявшей за печатающей головкой.

В ожидании блинчиков Ник сидит за кухонным столом под галереей собственных рисунков, прикрепленных к стене, и пишет что-то на линованной бумаге толстым красным карандашом. «Вчера в школе мы должны были приготовить пиццу, – говорит он. – Мы могли выбрать сыр – чеддер или джек. Слушай, ты знаешь, как писать слово “о-о-о”? Говорят, Джейк поцеловал Элену и все дети сказали: “О-о-о”. А ты знал, что совы могут поворачивать голову кругом?»

Я кладу на его тарелку блинчик, к его великому разочарованию – самого обычного размера. Он поливает его кленовым сиропом, сопровождая это действие звуковыми эффектами: «Ух ты! Как горячая лава!» Я тем временем собираю ему ланчбокс – сэндвич с арахисовой пастой и джемом, морковные палочки, яблоко, печенье и пакетик с соком.

Он одевается. Завязывает шнурки на ботинках, напевая: «Крошка, крошка-паучок». Мы опаздываем, поэтому я поторапливаю его, и вскоре он уже сидит на заднем сиденье машины и плюет на игрушечного папу-медведя.

– Что это ты делаешь?

– Он упал в грязь. Пощекочи мне коленку, пожалуйста.

Я протягиваю руку назад и запускаю пальцы в ямку под коленом. Это вызывает припадок истерического смеха.

– Ладно, ладно, хватит. Просто мне хотелось вспомнить, что чувствуешь, когда тебя щекочут.

Сменив тему, Ник спрашивает, можно ли ему учить клингонский язык вместо испанского в школе.

– Почему именно клингонский?

– Чтобы мне не приходилось читать субтитры в сериале «Звездный путь».

Когда я паркую машину перед школой, у нас еще остается несколько минут до звонка. Важнейший пункт в моем расписании дня – привезти его в школу вовремя, но сегодня что-то

пошло не так. Где другие машины, толпа детей перед школой и встречающая их учительница? И тут до меня доходит. Сегодня же суббота!

* * *

Я не поддерживаю концепцию кармы, но я уверовал в мгновенную карму, как ее описал Джон Леннон в своей одноименной песне. Суть ее в том, что мы пожинаем то, что посеяли в этой жизни. И это объясняет, почему меня настигло именно такое возмездие: моя подруга нанесла мне тот же удар, какой я нанес своей жене. (На самом деле ее поступок вряд ли заслуживает такого же осуждения, как мой; в конце концов, она сбежала в Южную Америку с мало-знакомым человеком.) Разумеется, я был безумно расстроен, и Нику приходилось противостоять не только моему унынию, но и последовавшей за долгой полной безнадегой череде моих подруг, наделенных многими талантами, но неспособными заменить мать ребенку. Ситуация очень напоминала фильм «Ухаживание отца Эдди», с той лишь разницей, что Эдди не приходилось, спустившись к завтраку, наткнуться на женщину в кимоно, поедающую его завтрак из хрустящих фигурок Lucky Charms.

«Вы кто?» – спрашивает Ник. Он плетется к столу на кухне. Это комната с раздражающе ярким освещением и полом, покрытым линолеумом в черно-белую клетку. Он облачен в пижаму и шлепанцы в форме Оскара-ворчуна. Его вопрос обращен к женщине с целым вулканом дредов на голове. Она художница, на ее последней выставке были представлены раскрашенные от руки фотокопии интимных частей ее собственного тела.

Женщина представляется и говорит:

– Я знаю, кто ты. Ты Ник. Наслышана о тебе.

– А я о вас ничего не слышал, – парирует Ник.

Как-то вечером мы с Ником ужинали в итальянском ресторанчике на Честнат-стрит в компании другой женщины, на этот раз с белокурыми локонами и темно-зелеными глазами. За время наших свиданий мы уже играли с Ником в фрисби в парке Марина-Грин и даже посетили игру «Сан-Франциско Джайентс»², и там Ник поймал мяч³. Дома после ужина мы вдвоем смотрели «5000 пальцев доктора Т.». Подруга листала журналы в гостиной, а я читал Нику в его комнате, пока он не заснул.

Обычно я слежу за тем, чтобы дверь в мою спальню была заперта, но в этот раз я забыл. Утром Ник забрался ко мне в кровать. Девушка тут же открыла глаза и встретилась с ним взглядом. Ник удивленно спросил:

– Вы что тут делаете?

Она нашла гениальный ответ:

– Я тут ночью.

– Вот как, – произнес Ник.

– Что-то вроде ночевки в гостях.

– Вот как, – повторил Ник.

Я отослал Ника в его комнату одеваться.

Позднее я пытался как-то объясниться с ним, но сознавал, что совершил жуткую ошибку.

Мне не понадобилось много времени, чтобы понять, что образ жизни папы-холостяка не слишком полезен для ребенка, поэтому я временно прекратил встречаться с женщинами. Полный решимости больше не повторять тех досадных и крайне мучительных ошибок, кото-

² «Сан-Франциско Джайентс» (*англ.* San Francisco Giants) – профессиональный бейсбольный клуб, основанный в 1879 году и выступающий в Главной лиге бейсбола. *Прим. ред.*

³ По бейсбольной традиции мяч, улетевший на трибуны, достается поймавшему его зрителю. Такие трофеи очень ценятся среди болельщиков. *Прим. ред.*

рые привели меня к разводу и неудачам в отношениях с другими женщинами, я ступил на путь безбрачия, самокопания и залечивания душевных ран.

В нашей жизни воцарилось относительное спокойствие.

По выходным мы гуляли по набережной Эмбаркадеро, взбирались на холм Телеграф-Хилл к башне Койт, по канатной дороге добирались до Чайнатауна, чтобы поесть димсамов⁴ и посмотреть фейерверк; вместе с нашими соседями, неофициальными крестными Ника, ходили во дворец кино «Кастро», где перед началом сеанса органист играл «Свисти на ходу» и «Сан-Франциско» на позолоченном инструменте фирмы «Вурлицер». На метро мы ехали в Беркли и гуляли по Телеграф-авеню, высматривая местных завсегдаев вроде женщины, к одежде которой пришили десятки тостов, и персонажа телешоу – Нежного голого парня⁵, как ни в чем не бывало фланировавшего мимо нас.

В будние дни по вечерам, после того как Ник доделывал уроки, мы играли в разные игры. Часто мы вместе хлопотали на кухне. И читали. Ник любил книги: «Излом времени», Роальд Даль, «Изгой», «Хоббит». Однажды по случаю какого-то из дней нерождения Ника, которые вошли в наш обиход после прочтения «Алисы в Стране чудес» и «Алисы в Зазеркалье», мы накрыли праздничный стол, рассадили плюшевых зверушек на отведенное каждому место и поужинали в их компании, восседая, подобно султанам, на подушках.

Как-то летним вечером 1989 года я ужинал у друзей и оказался за столом напротив женщины с Манхэттена, которая приехала к нам, в округ Марин, навестить родителей. Карен – темно-каштановые волосы и простое черное платье – была художницей. Кроме того, она сочиняла и иллюстрировала детские книги. Карен сказала, что завтра возвращается в Нью-Йорк, и я как бы между прочим заметил, что лечу туда на следующей неделе брать интервью. Возникла неловкая пауза. Мой друг, сидевший рядом, протянул мне листочек бумаги и ручку и прошептал на ухо: «Попроси номер телефона».

Я так и сделал.

Назавтра я позвонил в дом ее родителей. Я слышал, как она просит мать сказать, что ее нет дома, но та проигнорировала просьбу и передала ей трубку.

Да, услышал я ее голос, она встретится со мной, когда я приеду в Нью-Йорк.

Наше первое осторожное свидание прошло на вечеринке у друзей в районе Верхнего Ист-Сайда. Из музыкальной системы звучали композиции группы The Fine Young Cannibals, официанты сносили с подносами, разнося шампанское и канапе, а затем, несмотря на духоту вечера, я проводил ее через весь Манхэттен до ее лофта в центре. Наш путь занял пару часов, и все это время мы говорили не умолкая. Наткнувшись на круглосуточный магазин, мы купили фруктовое мороженое. Уже на рассвете мы пожелали друг другу спокойной ночи у ее подъезда.

Мы с Карен перезванивались и переписывались. Мы виделись, когда она приезжала к родителям и когда я бывал в Нью-Йорке по делам. Спустя примерно шесть месяцев, во время одного из ее визитов в Сан-Франциско, я представил ее Нику. Она показала ему свои художественные альбомы, и они часами вместе рисовали комиксы. Целыми днями они трудились, тщательно прорисовывая на длинных полосах оберточной бумаги замысловатые детали эпизода в парке, где фигурировали такие персонажи, как мистер Грауч, круглый человечек, который сидит на скамейке и жует сэндвич с тунцом, тощий мистер Макаронина со своим малышом-макаронинкой, мистер Парик и мистер и миссис Никто.

⁴ Димсам – общее название блюд китайской кухни, которые принято подавать до обеда вместе с чашкой чая пуэр. Представляют собой начинку из фруктов, овощей, морепродуктов, завернутую в тонкий слой полупрозрачного рисового теста. Внешне немного напоминают пельмени, вареники или хинкали. *Прим. ред.*

⁵ Sensitive Naked Man – персонаж музыкально-юмористического шоу Saturday Night Live («Субботним вечером в прямом эфире») на канале NBC, одного из самых популярных в истории телевидения США, послужившего прототипом вечерних телешоу во многих странах, в том числе российских «В субботу вечером», Yesterday Live, «Суббота. Вечер. Шоу» и «Сегодня. Вечер. Шоу». *Прим. пер.*

Прожив шесть лет на пятом этаже дома без лифта под громадой Всемирного торгового центра, Карен переехала к нам в Сан-Франциско. Возможно, Ник просто старался ей понравиться, ведь уже было ясно, что она обосновалась здесь надолго. Но в своем школьном докладе о ней он написал: «Она жила в большом лофте над рестораном “Хэм Хевен”. Это крутое место, и на крыше можно запускать фейерверки. Она решила вернуться в Сан-Франциско, чтобы жить вместе со своей новой семьей, и это мой папа, я и она».

Вскоре после переезда Карен мы сняли дом за мостом Золотые Ворота в городке Сосалито, потому что хотели, чтобы у нас был двор. Наш дом считался одним из самых старых в городе. Ветхий, протекающий, выстроенный в викторианском стиле, он был внутри только чуть теплее, чем снаружи. В качестве компенсации этих недостатков в камине ревел огонь, но ночью нам приходилось укрываться теплыми стегаными одеялами. Закутавшись в пуховики, мы втроем отправлялись гулять по пляжу, исследуя образовавшиеся после отлива лужицы в песке, плавали на пароме через залив, мимо острова Алькатрас в Сан-Франциско. Мы объединились с другой семьей, чтобы возить по очереди детей в школу в городе. Ник, который уже ходил в четвертый класс, играл в местной бейсбольной команде «малой лиги». Мы с Карен подбадривали его. В зеленой майке команды *Graves* и бейсболке он играл за бейсмена⁶ второй базы и выполнял свою работу сосредоточенно и целеустремленно. Другие мальчишки дурачились, а Ник был серьезен. Его тренер сказал нам, что Ник – лидер среди товарищей по команде и другие дети берут с него пример.

Родители склонны восторгаться своими детьми, но если бы спросили любого, кто знал тогда Ника, вы бы услышали о его чувстве юмора, креативности и заражительной жизнерадостности. Ник часто, сам того не желая, оказывался в центре внимания, будь то в школьных спектаклях или на вечеринках. Как-то раз в школу пришла директор по кастингу. Понаблюдав за детьми, игравшими на школьной площадке, она побеседовала с некоторыми из них. Вечером она позвонила нам домой и попросила разрешить Нику сниматься в телевизионной рекламе. Я обсудил ее предложение с сыном, и он сказал, что это звучит заманчиво, поэтому я дал согласие. Он получил в качестве гонорара сто долларов, из которых десять мы отдали ему – чтобы он потратил их по своему усмотрению, а оставшиеся деньги положили на открытый на его имя счет для оплаты будущего обучения в колледже.

Рекламный ролик для автомобильной компании начинается с эпизода в подготовительном классе. Дети сидят полукругом на полу в комнате для занятий. Учительница, устроившись на детском стульчике, читает им книгу. Затем закрывает ее и опускает на колени.

– Итак, дети, – говорит она, – что значит для вас рассказ «Дик и Джейн»?

Маленькая девочка с косичками и большими голубыми глазами говорит:

– Дом – это мама.

После нескольких похожих мнений серьезный темноволосый мальчик спрашивает:

– А как насчет Спота?

Ник поднимает руку, и учительница обращается к нему:

– Николас?

– Спот – это Ид⁷, животная сила, которая пытается освободиться.

Девочка с большими карими глазами и волосами, забранными в конский хвост, закатывает глаза и пожимает плечами.

– Пусть Николас вызовет дух Фрейда, – говорит она угрюмо, подпирая подбородок кулачком.

⁶ Бейсмен – игрок обороняющейся команды, располагающийся на одной из баз. *Прим. ред.*

⁷ Ид, или Оно (*лат. id, англ. it*) в психоанализе – бессознательная часть психики. Термин введен Зигмундом Фрейдом. *Прим. ред.*

В финальной сцене дети расходятся после окончания занятий. Они выбегают из здания школы и бегут к машинам своих родителей, выстроившись в ряд перед школой. Ник запрыгивает на заднее сиденье «хонды», и его мама спрашивает:

– Что вы делали сегодня в школе, Николас?

Он отвечает:

– Ой, да все то же, ничего нового.

Где-то через месяц или два после появления рекламы в эфире мы ходили в кино. Мужчина в кожаной куртке и штанах с заклепками и черных мотоциклетных сапогах (мотоботах) узнал Ника. «О Господи! – завопил он, показывая на моего сына. – Это же Николас!»

В мае мы с Карен поженились. Свадьба прошла под цветущими розами и бугенвиллиями во дворе дома ее родителей. Нику было уже девять – худенькие руки, шея торчит из воротника оксфордской рубашки с короткими рукавами. Он нервничал, хотя мы и старались подбодрить его. Правда, на следующее утро он, казалось, испытывал огромное облегчение. «Все то же самое, – сказал он, посмотрев на меня, на Карен, обведя глазами привычную обстановку и снова взглянув на меня. – И это очень странно».

«Мисс Эми, она была подлой старой сукой. Мачехи всегда были такими». Вот так емко Трумен Капоте выразил бытующее в обществе мнение о мачехах. Такое отношение не новость. Еще Еврипид писал: «Лучше быть служанкой, чем мачехой». И тем не менее Карен и Ник всё больше сближались. Может быть, я видел только то, что хотел видеть? Нет, это вряд ли. Они всё так же вместе рисовали и раскрашивали. Они создавали рисунки сообща, добавляя детали по очереди. Они рассматривали книги по искусству и обсуждали художников. Карен водила Ника в музей, где он сидел на полу галереи, положив блокнот на колени, и делал торопливые заметки и наброски под впечатлением от произведений Пикассо, Элмера Бишоффа и Зигмара Польке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.